

Е. В. Сенько

ВЕКТОРЫ СЛОВАРНОЙ ДИНАМИКИ РУССКОГО И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Объектом внимания настоящей статьи являются лексические трансформации как своеобразные маркеры динамики современных языковых систем. В условиях стирания национальных отличий научное внимание тем не менее обращается к процессу регионализации, актуальность которого обеспечивается его важной ролью в межкультурной коммуникации: выступая в роли механизма формирования национальной идентичности, регионализация представляет собой своеобразную реакцию на негативные вызовы глобализации. Цель статьи – рассмотреть различные проявления процесса словарного обновления, сопоставив в указанном плане современные русский и осетинский вокабуляры. Материалом исследования послужили данные русских толковых словарей и переводных осетинско-русских; кроме того, несомненно, актуальны и сведения лингвистического опроса определенной группы населения. Представлены наблюдения над следующими векторами названной динамики: неологизация и интернационализация словарного состава, демократизация и либерализация словаря; возвращение в активное словоупотребление устаревших лексем и характерные сдвиги в структуре понятийного содержания, мотивированные актуализацией денотатов. На материале соответствующих наблюдений констатируется специфика словарных изменений в русской и осетинской лексической системе. Утверждается, что в рамках процессов неологизации и интернационализации характер динамики в названных языках в целом идентичен, хотя инновации в осетинском вокабуляре чаще носят двуплановый (формально-семантический) характер и «в своем появлении обусловлены ресурсами как русского, так и в меньшей степени самого осетинского языка...» [1, с. 730]. Функциональные же сдвиги проявляются в русле двух разнонаправленных векторов: с одной стороны, влиянием глобализации, с другой – процессом регионализации, который обеспечивает своего рода консервацию этнической самобытности. При этом если русский языковой вкус весьма снисходителен к интенсивно протекающей либерализации и даже криминализации современного лексического запаса, то современный осетинский язык, напротив, демонстрирует традиционные нормы речевой деятельности: исторически сложившийся жизненный уклад, во многом актуальный для современных носителей осетинского языка, в значительной степени мотивирует поведенческие шаблоны, в том числе шаблоны языкового вкуса.

Ключевые слова: динамика языка, языковой процесс, неолексемы, неологизация, демократизация языка, либерализация языка, актуализация лексем

В свое время В. И. Абаев утверждал, что в системе языка следует различать технику (то есть форму) и семантику. Семантика двояка: техническая – это содержание языкового знака, идеологическая – сам процесс номинации: «В каждой данной среде наречение происходит одним определенным способом, а не другим. От чего это зависит? В первую голову от вырастающего на определенной материальной основе мировоззрения, идеологии данной среды» [2, с. 29]. В понимании В. И. Абаева очень существенно и понятие технизации, которая происходит особенно быстро: идеология, выраженная в самом языке, заменяется новой, формирующейся в процессе выполнения языком его коммуникативной функции.

Безусловно, в современной лингвистике указанные научные постулаты актуальны. В частности, такая научная специализация, как лексикология, объектом которой является словарный уровень языка, в том числе его новые конституенты, исследует и видение действительности определенным языковым коллективом [2, с. 102–110].

Действительно, лексика наиболее подвержена изменениям как система, в значительной степени экстралингвистически обусловленная, в связи с чем внешние факторы языковой динамики не только оказывают воздействие на развитие языка, но играют важную роль в понимании слов, концептов, культуры того или иного народа. В связи со сказанным в словарном составе языка явно выражены нестабильность и рассогласованность составляющих его компонентов. В периоды социально-исторического равновесия динамические процессы протекают размеренно, а в пору исторических и социальных потрясений они ускоряются. Кажется, что новшества затопляют язык, не успевая адаптироваться. Такие процессы мы могли наблюдать не только в обозримом прошлом, но и на современном этапе развития российского социума.

Языковые изменения последнего времени служат объектом пристального внимания исследователей, в том числе на региональном материале [3–7 и др.].

Общепризнанным является мнение о том, что определяющим процессом в развитии современной языковой системы является процесс неологизации, который протекает в различных формах, что в свою очередь обусловлено многомерностью самого явления неогенеза.

Цель статьи – рассмотреть различные проявления процесса словарного обновления, сопоставив в указанном плане современные русский и осетинский вокабуляры.

Известно, что для познания сущности какого-либо языкового явления необходимо его рассмотрение с точки зрения внутренне присущих ему признаков, противопоставленных другим атрибутам в системе соподчиненных понятий. В связи с тем что слово как элемент лексики с точки зрения выполняемой им функции есть знак номинативного характера, онтологический признак неолексем, на наш взгляд, это вид объекта номинации и характер процесса его вербализации.

С данной точки зрения прежде всего можно назвать два типа неолексем: номинативы и трансноминативы. Первые – это вербализованные понятия, которые впервые осмыслены в силу своей новизны, вторые – переименования бытующих сигнификатов, что обусловлено интралингвистически. Неолексемы первого типа представляют собой «обращение внеязыковой действительности в языковые значения» [8, с. 20]. Именно поэтому они репрезентируют непосредственную связь лексики с процессом когниции как функции человеческого сознания.

См., например: *видеограф* – человек, снимающий видео, *ковидолог* – специалист по изучению и ликвидации болезней, являющихся последствием коронавирусной инфекции, *музыкализм* – направление в живописи, стремящееся представить ее средствами те или иные музыкальные жанры, *пандемия* – период после пандемии, *франчайзинг* – экономическое покровительство одной фирмы другой, *цифровизация* – внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства [9, 10].

В осетинском языке эта группа инноваций также достаточно представительна:

аемалиуаегад [аема̀лиуае¹гад] «предпринимательство», *амалхъом адаймаг* [амалхъ²ом адаймаг] «предприниматель», *аемхаеларад паддзаехаедтае* [аемхæла̀раед па̀дзаеха̄тае] «содружество государств», *аккредитаци каенын* [ак̀рѐди́та̀ци каенын] «аккредитировать», *бартерон* [ба̀ртерон] «бартерный», *базарадон экономикае* [ба̀жарадон эконòмикае] «рыночная экономика», *инаугураци* [инаугура̀ци], *террорист* [тѐрро̀рист], *чырае* [чы̀ра̄е] «сотовый телефон» [11, 12].

Трансноминативы есть механизм для реноминации тех или иных сигнификатов, которые выступают в роли субститутов, заменяя уже бытующие номинации:

лицо, исключаящее из пищи продукты животного происхождения, → *веган*,

лицо, поставившее подпись под каким-либо документом, → *подписант*,

пользующийся спросом → *спросовый*,

диктующий текст → *диктатор*.

Ср. в осетинском языке:

сотрудничество – *аемгуыстад* [амгу̀ыштад],

духовный – *монон* [мо̀нон],

духовность – *монад* [мо̀над],

материальная культура – *аермаегон* [аерма̀егон],

внутренняя культура – *удварн* [удва̀рн],

табло – *хыгъ³даевдиссаен* [хы̀гуда̀евди́ссаен] [11, 12].

¹ [æ] – звук, похожий на русский звук [а] в слабой позиции второй степени.

² [кь], [хь] – смычно-гортанные звуки, не похожие на русские звуки [г], [к], [х].

³ гъ – буква, обозначающая фрикативный звук [г] → [ɣ]

Неологический статус лексической единицы носит временный характер: удачная словообразовательная модель неолексемы, ее экстралингвистическая запрограммированность обеспечивают возможность инновации войти в язык и приобрести статус общеупотребительной единицы. Такого рода словарные инновации, обусловленные в своем появлении экстра- и интралингвистически и тем самым имеющие шанс войти в состав общеупотребительного словарного фонда, есть собственно неологизмы.

Известно, что слово – единица двусторонняя, в ней сосуществуют формальные и семантические структуры, но в рамках лексемы новизна – понятие неоднозначное: дуализм слова, безусловно, асимметричен [13, с. 77].

Новизна слова может проявляться на двух уровнях: формальном и семантическом, что ведет к появлению неолексем, новых в аспекте двух указанных уровней (*биотерроризм*, *биотерракт*, *дианетика* – наука о духовном здоровье человека, *шокер* – электрошоковое устройство), или лексем, новых только по форме (*ментально* – наречие к прилагательному *ментальный*, *пенсирование* – назначение пенсии, *фейковый* – ложный), или по содержанию (*вирусолог* – специалист в области компьютерных вирусов, *манекенный* – неестественный). В русском языке все три вида неологизации протекают в равной степени интенсивности, в осетинском языке, как показал опрос информантов, более активны собственно неологизмы, новые по форме и по содержанию (*промараезтад* [прома̀раештад] «специалист по промышленному строительству», *тыхбар* [ты̀хба̀р] «власть», *фаелраезт* [фаел̀раешт] «возрождение», *уаелдаер скьола* [уаел̀даер шкьо̀ла] «высшая школа» и др.).

Избранный критерий типологии лексических инноваций обуславливает дифференциацию рассмотренных неолексем и других видов лексических инноваций [14, с. 37–52]:

1. Эфемеризмы – номинации преходящих реалий; как правило, это слова, репрезентирующие такие сферы социальной жизни, как мода, масскультура, политика, не отличающиеся стабильностью: *прокси-война* – косвенная война, война двух сторон через третью сторону, *френч* – вид маникюра, популярный дизайн ногтей, *ельцинизм* – методы и принципы общественно-политической деятельности Б. Н. Ельцина, *путинизм* – методы и принципы общественно-политической деятельности В. В. Путина.

2. Ксенизмы, то есть новые экзотизмы, обозначающие локации этнокультурных реалий, специфичных для тех или иных народов: *кибуц* – еврейская община, *тейп* – форма объединения народов нахской языковой группы, чеченцев и ингушей, *шурà* – совет старейшин у мусульман [9, 10].

Лексическая динамика осуществляется не только на базе процесса неологизации. Временная и локальная актуализация лексем также представляет собой один из важных механизмов обновления литературного словаря за счет так называемых внутренних заимствований. Неологизмы такого рода составляют особый тип инноваций – относительные неологизмы, или вхождения. Такие неологизмы «входят» в общеупотребительную лексику из лексического потенциала языковой системы: областного словарного корпуса, социальных диалектов, пассивного словарного запаса языка и т. п.; см., в частности, вхождения из диалектов:

рус. *балка* – овраг, *вилок* – кочан капусты, *квельый* – слабый, *вялый*, *колготной* – трудный, беспокойный, *надыбать* – найти, занять, *нашлепка* – магнит на холодильнике», *синенькие* – баклажаны, *чеплажка* – головной убор [15];

осет. *кепи каенын* [кè̀пикае́нн] – посидеть с друзьями за столом, *кызгае* [кызга̀е] – девушка. Следует отметить, что в русском языке заимствования из диалектов не актуальны. Они вытеснены на задний план относительными неологизмами других типов.

Однако лексическая осетинская система достаточно активно пополняется областными словами, как правило, дигоризмами, что «способствует как ее обогащению, так и сближению двух диалектов – иронского и дигорского. Вошли в осетинский язык и зафиксированы в словарях многие дигоризмы. Однозначные слова обычно переходят в литературный осетинский

язык без изменения объема значения: *ируст* – эгоист, *издл* – далеко; далекий, *имонд*у – нежность, *келар* – циркуль, *кивдз*у – низкорослый [16, с. 27].

В современной русской коммуникации востребованы лексические единицы, ограниченные в своем употреблении социальными факторами, а именно сленгизмы и слова разговорного характера. Причина актуализации сниженной, а часто бранной, обценной лексики – отмена цензурного контроля, обусловленная демократизацией языка, и характер современного языкового вкуса, который якобы требует более высокого эмоционально-экспрессивного уровня современной межличностной коммуникации: *беспредел*, *блин*, *зашквар*, *кек*, *кошмарить*, *краш*, *лол*, *мочить*, *пилить бюджет* и т. п. Такого рода лексемы, недопустимые в нормативные толковые словари русского языка, в современном процессе общения демонстрируют повышенную востребованность представителями всех социальных слоев населения. В лексикологии известна точка зрения, согласно которой в современной русской языковой системе жаргонизмы олитературируются, так как их востребованность в литературных текстах ведет к смягчению их жаргонного характера [3, с. 29]. Таким образом, высказывается мысль о том, что в современном русском языке жаргон функционирует в новом статусе.

Иная лексическая картина в современном литературном языке осетинского этноса. Носители осетинского языка индифферентны к активно протекающим в русской языковой системе процессам демократизации и либерализации, в связи с чем в осетинской лексике указанные выше сниженные вхождения единичны: *арвхуызтае* [а́рвхуыстае] «голубые», *атыффытт кодтон* [а́тыффы́т ко́тон] «сбежать, слинять с занятий», *баксатае* [ба́ксатае] «баксы, доллары», *цаахтае* [ца́ахтае] «зеленые, доллары», *бындзытае* [бѣ́нзытае] «доллары», *гаелаебутае* [гаела́ебутае] «бабки, деньги», *хафынаскае* [ха́фынашкае] «вор-карманник», *хионизм* [хио́низм] «блат».

Известно, что в разные диахронические периоды общественного развития потенциальные ресурсы языка используются по-разному. Так, Ю. М. Костинский считал, что для современного русского вокабуляра устаревшие лексемы не актуальны [17, с. 125]. Однако современная речевая коммуникация, напротив, свидетельствует о том, что «вернувшиеся» номинации есть действенный механизм словарной динамики: *акция*, *бакалавр*, *банкир*, *биржа*, *гувернантка*, *Государственный совет*, *гимназия*, *департамент*, *кадет*, *колледж*, *лавка*, *магистр*, *полиция*, *полицейский*, *россиянин* и др.

Возрождаются и многие духовно-нравственные понятия: *богомолье*, *духовник*, *литургия*, *патриарх*, *пожертвование*, *покаяние*, *паломничество* и т. п.

Лексическая система современного осетинского языка, напротив, обогащается, как правило, не историзмами (они входят через русское посредство), а архаизмами, которые вытесняют существующие современные номинации (обычно это русские заимствования). Сравним с этой точки зрения следующие параллели:

январь – *тъаенджы маей* [тъа́енджѣ маѣ́] – «морозный месяц», февраль – *аертхъираены маей* [аертхѣ́ирае́ны маѣ́] – «грозный, лютый месяц», март – *таергаейтты маей* [таерга́ейты́ маѣ́] – «капризный месяц», сентябрь – *рухаены маей* [ру́хае́ны маѣ́] – «брачный месяц оленей» и т. д.

Ср. также: *илцидон*, *илци* [и́лцидон, и́лци] «таможня», *мадан* [ма́дан] «золотой прииск», *раесаег* [рае́шаег] «ревность», *сахар* [шаха́р] «город», *уаг* [уа́г] «характер», *хъалон* [хѣ́алон] «налог», *хаццон* [ха́ццон] «арендатор», *фаелдзусад* [фаелзу́шад] «гармония» [12, 13].

Указанное обстоятельство мотивируется тем, что «книжность и устарелость» возвращенных слов препятствует наличию у них способности номинировать современные сигнификаты. К тому же если учесть, что осетинский язык все больше обогащается интернационализмами параллельно калькированию и словообразованию, то можно констатировать все более интенсивную интеграцию различных стран и этносов и соответственно активизацию языковых связей на мировой арене [1, с. 729].

Параллельно временной переориентации слов происходит переориентация в плане номинативно-локальной маркированности. Этот процесс интернационализации характерен как для современного русского, так и для осетинского языка, так как иноязычные слова проникают в осетинскую лексику, как правило, через русскую языковую систему. Общий экстралингвистический фон обеспечивает идентичность данного корпуса относительных неологизмов в рассматриваемых языках: *бизнес, инаугурация, инфляция, кейтеринг, мер, мафия, менеджер* и др. Семиотика трактует указанный механизм неологизации как меню знаков. В данном случае знаки периода существования СССР уступают место знакам западного мира. Среди них наиболее многочисленны лексемы, функционирующие в сфере экономики: *биржа, лот, маркетинг, стагнация* и др.

На периферии языкового сознания современников находятся лексемы, отличающиеся высоким индексом употребительности и характеризующиеся определенными сдвигами в структуре понятийного содержания, мотивированными актуализацией обозначаемых денотатов (*активы, деприватизация, рынок*; ср. в осет. языке: *агъдау – обычай, патриот, хъалон – налог*).

Таким образом, лексические инновации позволяют сделать выводы о лексической динамике двух современных языков, функционирующих на территории одного из северокавказских регионов: русского (с учетом его регионального характера) и осетинского, являющегося языком титульной нации Республики Северная Осетия – Алания. Векторы названной динамики представлены рядом современных процессов:

- неологизация, протекающая в формальном, двуплановом, семантическом направлении;
- демократизация и либерализация словаря – процессы, типичные для русского вокабуляра и не характерные для лексики осетинского языка;
- возвращение в активное словоупотребление устаревших лексем, причем данный процесс маркирован в русском языке историзмами, а в осетинском – архаизмами.

В связи со сказанным неслучайны вопросы о причинах порой полярных неологических ситуаций в русском и осетинском языках.

Во-первых, чем можно объяснить чрезмерную снисходительность русской лексики к современным жаргонам? Общеизвестно, что неологика – это зеркало ментальности, включающей в себя актуальные для социально-духовной жизни определенного этноса характеристики, своего рода кодекс морально-нравственных ценностей, регулирующих образ бытия того или иного народа. Именно по этой причине неолексемы – предмет исследования этно- и психолингвистики, а также лингвокультурологии. В понимании русского человека морально-нравственные установки всегда были превыше всего. В. В. Колесов, характеризуя специфические черты русского взгляда на окружающий мир, подчеркивал, что у русского народа «всякое дело, мысль или слово... окрашены нравственным идеалом»; отсюда «нет ничего, что не сопрягалось бы с моральным в поведении и мыслях...; каждый результат деятельности, т. е. продукт, предмет, вещь и т. д., окрашен признаком красоты» [18, с. 123]. Таким образом, духовность всегда была на первом месте в русском миропонимании. Кстати, слово *нравственность* этимологически связано со словом *нрав*, что подчеркивает нечто идущее изнутри, от характера самого человека.

Однако в формате жизни современного социума традиционные ментальные установки часто «деформированы»: сказывается влияние чужих ментальных категорий. Конечно, каждый новый период в жизни этноса вносит определенные коррективы в характер национального мышления и, соответственно, в языковую систему. Данное обстоятельство не может не отразиться на той или иной специфике в лексических и других нормах русского языка; это мотивируется действующими на данном этапе исторического развития экстралингвистическими, психологическими и интралингвистическими воздействиями; имеются в виду те сдвиги политического, экономического, культурного развития, которые произошли на стыке XX и XXI вв., вызвавшие развитие нового языкового вкуса, не требующие наличия в сознании общества престижа нормативной, культурной речи. И все-таки обесценивание языковых норм в совре-

менной межличностной коммуникации есть не что иное, как забвение тех интеллектуально-духовных единиц наследственности, нравственных генов, которые каждый этнос бережно хранит в своем языке. Из его вокабуляра уходят, становясь пассивными, лексические знаки доброты, любви, внимания и уважения к человеку, актуализируются противоположные сигнификаты: брутальность, крутизна, олигархия, самодостаточность и т. п.

Почему же совсем иная картина представлена в системе современной осетинской лексики, где ненормативные лексемы не являются востребованными коммуникативными механизмами?

Думается, что ответ на данный вопрос кроется в одном из немаловажных факторов внешнего воздействия на языковые системы различных этносов. Речь идет о том, что в числе многих факторов, влияющих на специфику национального менталитета, можно особо выделить историческое прошлое определенной этнической общности.

Р. Т. Кучиев отмечает, что многие народы, проживающие в Северном Кавказе, несмотря на изменения в социальных системах, склонны к сохранению старого, традиционного образа жизни. В этом отношении особо можно выделить осетинский народ, который резко отличается от других этносов: «Осетины смогли сохранить свой язык, культуру, религию, традиции почти в первозданном виде, чему во многом способствовала длительная изоляция народа в горах после опустошительных набегов монголо-татар и орд Тимура; и сегодня осетины, в пределах возможного, бережно хранят духовно-нравственное наследие предков» [19].

Духовное наследие предков наряду с другими ценностями имело и такую важную составляющую, как кодифицированные приемы коммуникации: грубость, вульгарность, резкость речи не допускались, отрицательно оценивалась азартная, громкая речь. Именно многие из этих негативных признаков речевой деятельности характерны для субстандартной лексики, в частности для жаргонов, «активизацию которых Д. С. Лихачев назвал «внедрением в подсознание воровской идеологии» [20, с. 151]. Таким образом, чистота осетинской лексики, свободной от жаргонизации и других сниженных механизмов развития языка, объясняется этнокультурологически, факторами, которые присущи осетинскому этносу онтологически.

Во-вторых, какова причина индифферентности русской лексической системы к областному влиянию и явная расположенность современного осетинского языка к данному вектору словарной динамики? Можно утверждать, что в настоящее время русские диалекты отмирают, русский литературный язык приводит их к нивелировке; объяснение этому явлению кроется в тоталитарной идеологии прошлого, которая достаточно активно способствовала утрате многих традиций русской деревни, что, разумеется, нашло отражение и в системе современного русского языка, для которого территориально ограниченная лексика как словарный потенциал не актуальна.

Следует отметить, что сегодня жизненные установки предков осетинского этноса не остались в прошлом, они во многом актуальны для осетинского народа, в силу чего достаточно активно влияют на то, как представители данного народа смотрят на мир, во многом детерминируют характер современного осетинского мышления, образа жизни в целом. Несомненно, что традиционные жизненные установки обуславливают и специфику языкового поведения. В связи со сказанным можно отметить значимость дигорского диалекта как феномена, носящего реликтовый характер.

Таким образом, вопреки процессу глобализации, в частности языковой, способствующей нивелированию исконной лингвистической специфики, степень негативного воздействия указанного процесса на различные национальные языки не является одинаковой: если русский языковой вкус весьма снисходителен к интенсивно протекающей либерализации и даже криминализации современного лексического запаса, то осетинский язык, напротив, протезирует издавна принятым стандартам языкового поведения. Такие разнонаправленные векторы языковой динамики, несомненно, мотивируются определенными параметрами когниции того или иного этнического коллектива, отражающей специфику восприятия действительности и ее преломление в языковой картине мира.

Список источников:

1. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Инновационные возможности осетинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 11. С. 727–730.
2. Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания. М.: Наука, 2006. 143 с.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. М.: Златоуст, 1999. 280 с.
4. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2007. 232 с.
5. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Москва; Берлин: Директ-Медиа Паблишинг, 2015. 77 с.
6. Martin J.-V. Dictionnaire du français régional du Pilat. P.: Bonneton, 1989.
7. Doppagne A. Les régionalismes du français. P.-Gembloux: Duculot, 1978.
8. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
9. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
10. Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.
11. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Осетинско-русский, русско-осетинский словарь. Владикавказ: Респект, 2018. 1286 с.
12. Осетинско-русский словарь / сост. Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева. В 4 тт. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2019. 749 с.
13. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Блинов А. В., Богатырева И. И., Мурат В. П., Рапова Г. И. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 76–81.
14. Гак В. Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 37–52.
15. Словарь актуальных русских диалектизмов. URL: бестолковый-словарь.рф.2020/06/slovar-... (дата обращения 06.01.2024).
16. Гацалова Л. Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания (на материале русского и осетинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2005. 44 с.
17. Костинский Ю. М. К оценке и возможной активизации лексического потенциала языка // Литературная норма и просторечие. М., 1977. С. 118–145.
18. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
19. Кучиев Р. Традиционные осетинские нормы поведения. URL: ossetians.com/rus/news.php?newsid=684 (дата обращения 06.01.2024).
20. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: «Златоуст», 1999. 368 с.

Сенько Елена Викторовна.

Доктор филологических наук, профессор.

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

Ул. Ватутина, 44–46, Владикавказ, 362025.

E-mail: senkoelena@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 3 февраля 2024 г.

E. V. Senko

VECTORS OF VOCABULARY DYNAMICS IN THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES

The topic of this article is lexical transformations as peculiar markers of the dynamics of modern language systems. However, in the context of the erasure of national differences, scholarly attention is focused on the process of regionalization, the relevance of which is ensured by its important role in intercultural communication: as a mechanism for the formation of national identity, regionalization is a kind of reaction to the negative challenges of globalization. The article aims to consider various manifestations of the dictionary updating process and compare modern Russian and Ossetian vocabulary in this respect. Russian explanatory dictionaries and translated Ossetian-Russian dictionaries were used as research material; information from a linguistic survey of a particular population group is undoubtedly relevant. The observations on the following vectors of the mentioned dynamics

are presented: Neologization and internationalization of vocabulary; democratization and liberalization of vocabulary; the return of obsolete lexemes into active word use; and characteristic shifts in the structure of conceptual content motivated by the updating of denotations. The peculiarities of vocabulary changes in the Russian and Ossetian lexical systems are presented based on relevant observations. It is argued that within the processes of neologization and internationalization, the nature of the dynamics in these languages is generally identical, although the innovations in Ossetian vocabulary are more often two-dimensional (formal-semantic) in nature and “their occurrence is due to the resources of both Russian and, to a lesser extent, the Ossetian language itself...” (1, p. 730). Functional shifts manifest themselves in accordance with two multidirectional vectors: on the one hand, the influence of globalization and, on the other, the process of regionalization, which allows for a kind of preservation of ethnic identity. While the Russian linguistic taste is very hostile to the intensive liberalization and even criminalization of the modern lexical stock, the modern Ossetian language, on the contrary, shows the traditional norms of linguistic activity: the historically formed way of life, which is largely relevant for the modern speakers of the Ossetian language, largely motivates the patterns of behavior, including the patterns of linguistic taste.

Keywords: *dynamics of language, language process, neolexemes, neologization, democratization of language, liberalization of language, actualization of lexemes*

References:

1. Gacalova L. B., Parsieva L. K. Innovacionnye vozmozhnosti osetinskogo yazyka [Innovative features of the Ossetian language]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental study*, 2012, no. 11, pp. 727–730 (in Russian).
2. Abaev V. I. *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniya* [Articles on the theory and history of linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 143 p. (in Russian).
3. Kostomarov V. G. *Yazykovoy vkus epokhi: Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy massmedia* [The linguistic taste of the epoch: From observations on the speech practice of the mass media]. Moscow: Zlatoust Publ., 1999. 280 p. (in Russian)
4. Krongauz M. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. M.: Znak; Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2007. 232 p. (in Russian).
5. Sternin I. A. *Obshchestvennyye processy i razvitie sovremennogo russkogo yazyka* [Social processes and the development of the modern Russian language]. Moskva; Berlin: Direkt-Media Publishing, 2015. 77 p. (in Russian).
6. Martin J.-B. *Dictionnaire du français régional du Pilat*. P.: Bonneton Publ., 1989 (in French).
7. Doppagne A. *Les régionalismes du français*. P.-Gembloux: Duculot Publ., 1978 (in French).
8. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of words)]. M.: Vysshaya shkola Publ., 1986. 640 p. (in Russian).
9. Sklyarevskaya G. N. (ed.) *Tolkovy slovar' russkogo yazyka konca XX v. Yazykovye izmeneniya* [Explanatory dictionary of the Russian language of the late XX century. Language changes]. SPb.: Folio-Press Publ., 1998. 700 p. (in Russian).
10. Sklyarevskaya G. N. (ed.) *Tolkovy slovar' russkogo yazyka nachala XXI v. Aktual'naya leksika* [Explanatory Dictionary of the Russian Language at the Beginning of the 21st. Century Actual vocabulary]. M.: Eksmo Publ., 2008. 1136 p. (in Russian).
11. Parsieva L. K., Gacalova L. B. *Osetinsko-russkiy, russko-osetinskiy slovar'* [Russian Russian, Ossetian-Ossetian dictionary]. Vladikavkaz: Respekt Publ., 2018. 1286 p. (in Russian, Ossetian).
12. Guriev T. A., Gutieva E. T. (eds) *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian dictionary]. In 4 vols. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN Publ., 2019. 749 p. (in Russian).
13. Karcevskiy S. O. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the asymmetric dualism of the linguistic sign]. In: Blinov A. V., Bogatyreva I. I., Murat V. P., Rapova G. I. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics: A Textbook]. M.: Aspekt Press Publ., 2000. Pp. 76–81 (in Russian).
14. Gak V. G. O sovremennoy francuzskoy neologii [About modern French neology]. In: *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. L., 1978. Pp. 37–52 (in Russian).
15. *Slovar' aktual'nykh russkikh dialektizmov* [Dictionary of current Russian dialectisms]. URL: bestolkovyy-slovar'.rf/2020/06/slovar-... (in Russian) (accessed 03.01.2024).
16. Gacalova L. B. *Neologiya kak nauka v obshchey paradigme sovremennogo yazykoznaniya (na materiale russkogo i osetinskogo yazykov): avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Neology as a science in the General paradigm of modern linguistics (by the material of Russian and Ossetian languages): Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Nal'chik, 2005. 39 p. (in Russian).
17. Kostinskiy Yu. M. K ocenke i vozmozhnoy aktivizatsii leksicheskogo potentsiala yazyka [On the assessment and possible activation of the lexical potential of the language]. In: *Literaturnaya norma i prostorechie* [Literary norm and vernacular]. M., 1977. Pp. 118–145 (in Russian).

18. Kolesov V. V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2004. 240 p. (in Russian).
19. Kuchiev R. *Tradicionnye osetinskie normy povedeniya* [Traditional Ossetian norms of behavior]. URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=684> (in Russian) (accessed 03.01.2024).
20. Kolesov V. V. «*Zhizn' proiskhodit ot slova...*» ["Life comes from the word..."]. SPb.: Zlatoust Publ., 1999. 368 p. (in Russian).

Elena V. Senko.

Dr. Habil., Professor

North Ossetian State University, named after K. L. Khetagurov.

Vatutina str., 44-46, Vladikavkaz, Russia, 362025.

E-mail: senkoelena@yandex.ru